

Николай Переслѣгинъ

(РОМАНЪ)

Часть III*)

Калуга, 17 августа 1913 г.

Могу себѣ представить, радость моя, до чего Ты удивишься, когда завтра къ обѣду получишь это письмо. Но больше Тебя удивится конечно отецъ и ужъ навѣрное скажетъ «не понимаю я современныхъ мужей, — рюмки водки не успѣлъ выпить, а ужъ сѣлъ изливаться». Охъ, ужъ и будетъ онъ теперь Тебя изводить, Наташа. Очень онъ странный поклонникъ женской красоты: почему-то глубоко увѣренъ, что все женщины въ сердцахъ хорошеютъ. Чудакъ онъ, какихъ и въ Россіи немного. Хотя и всецѣмъ онъ другой человекъ, чѣмъ я, я его очень люблю и безконечно благодаренъ Тебѣ, что Ты рѣшила остаться дома пока онъ еще не всецѣмъ поправился и такъ много у него хлопотъ по хозяйству. Богъ дастъ я черезъ мѣсяць вернусь; если же дѣло затянется, то Ты приѣдешь въ Москву. Дальше мнѣ безъ Тебя не прожить.

Пока я живу въ одиночествѣ всего три часа, но уже испытываю величайшее затрудненіе: не могу никакъ рѣшить — хорошее или плохое преданаменованіе, что гдѣ то испортились пути и нашъ поѣздъ обреченъ стоять въ Калугѣ по крайней мѣрѣ часа два, три, а можетъ быть и много больше. Какъ всегда, я и это неприятнѣйшее для

---

*) См. «Совр. Записки», кн. XIV, XV, XVII.

всѣхъ пассажировъ обстоятельство склоненъ истолковывать въ самомъ пріятнѣйшемъ для меня смыслѣ.

Я очень твердо конечно знаю, что всѣ пути, удаляющіе меня отъ Тебя — пути, ведущіе къ гибели и крушенію. Что мы съ судьбою, въ этомъ отношеніи, только повторяемъ Твои мысли—ясно, но ни въ какой мѣрѣ и степени не удивительно, ибо въ Тебѣ — вся моя судьба въ мѣрѣ и степени.

Все это какъ будто-бы и такъ, и все-же я чувствую, что мое истолкованіе желѣзнодорожной катастрофы какъ то слишкомъ примитивно и тяжеловѣсно. Твой подходъ къ случайностямъ и всякимъ инымъ событіямъ всегда сложнѣе и неожиданнѣе.

Если-бы Ты знала, какъ прекрасно Ты рассказываешь сказки, Наташа. Единственно, ради чего я, кажется, хотѣлъ бы имѣть сына — это ради мечты послушать какъ бы Ты стала рассказывать ему про «Сестрицу Аленушку и брата Иванушку». Цѣлую Тебя мою радость, мою сказку, съ такою любовью рассказанную мнѣ старымъ волшебнымъ рассказчикомъ — Богомъ.

Скажи, Наташа, понимаешь-ли Ты, что значить, что съ тѣхъ поръ, какъ отецъ встрѣтилъ насъ съ Тобою здѣсь, въ Калугѣ и мы поѣхали съ нимъ въ «Косатынь», прошло почти цѣлыхъ два года. Каждый день перелистывая у себя на столѣ календарь, я конечно все время отчетливо зналъ, какой истекаетъ годъ, мѣсяць, день. Но знаніе знанію рознь. Пока человекъ своему знанію не удивляется, онъ ничего не знаетъ. Сегодня я страшно удивился, какъ быстро пролетѣло время. И стало мнѣ отъ этого и очень хорошо и все-же нѣсколько грустно. Ибо, что значить, что счастливые часовъ не наблюдаютъ, какъ не то, что, жадно читая книгу нашей жизни, смерть особенно быстро перелистываетъ самыя прекрасныя страницы ея. Прости, милая, что сразу же пишу Тебѣ такія скорбныя вещи. Но такъ ужъ самимъ Богомъ устроено, что красота скорбно поставлена въ жизни — я же

сейчасъ весь въ мысляхъ о красотѣ нами прожитыхъ лѣтъ.

Какъ прекрасенъ былъ нашъ Кавказъ, Наташа, и какъ хорошо мы сдѣлали, что не остались на зиму въ Москвѣ, а проѣхали прямо въ Касатынь. Въ любви всегда оживаютъ воспоминанія ранняго дѣтства; рассказывать другъ другу о давно отошедшихъ дняхъ принадлежитъ вѣдь къ излюблѣннѣйшимъ наслажденіямъ влюбленныхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Любовь стремится вдаль. Единственная-же даль, не упирающаяся въ смерть, — это даль памяти. Господи, какъ я волновался, когда мы ѣхали со станціи домой, какъ не могъ дожидаться того момента, когда войду съ Тобою въ нашъ домъ, проведу по нашему саду, спущусь съ Тобою къ Угрѣ... Очень я все-же люблю нашу Касатынь, родная, люблю и «Медынь», съ ея назвою базарно-административною площадью, и Гончаровскій паркъ въ «Полотняномъ заводѣ» съ бесѣдкою Пушкина, и вотъ этотъ закъ I и II-го класса, въ которомъ мы, кажется, надолго застряли. Въ немъ все такое знакомое и родное. Родной вотъ и этотъ круглый, тяжелыми, высокоспинными стульями съ рѣзными инициалами С. В. Ж. Д. массивно обставленный столъ, за которымъ я сейчасъ пишу Тебѣ. За этимъ самымъ столомъ я маленькимъ мальчикомъ не разъ сживалъ съ мамой въ ожиданіи Сызранскаго нашего поѣзда. Ѣздили мы съ ней одно время въ Калугу довольно часто. Мы жили широкою, гостепримною жизнью и все необходимое для нея привозилось обыкновенно изъ Калуги. Сопровождалъ насъ всегда старый поваръ Авдѣй Ивановичъ, который въ сущности все и закупалъ, и которому мама меня обыкновенно «подкидывала». Сама-же она торопливо выбирала хорошаго извозчика и, расцѣловавъ меня, немедленно уѣзжала куда-то. Все-же обѣдать Авдѣй Ивановичъ всегда привозилъ меня къ ней въ гостиницу «Колоннъ». Послѣ обѣда мы уже не расставались до самаго поѣзда, бродя по городу и дѣлая послѣднія закупки.

Брата мама брала съ собою очень рѣдко, хотя онъ и былъ всего только на годъ моложе меня; я росъ «единственнымъ сыномъ». Если-бы мама была жива, Тебѣ было бы очень трудно съ нею. Страстная она была женщина и, думаю, очень ревнивая.

Странно, Наташа, — о чемъ, о чемъ мы съ Тобою только не говорили, а вотъ о мамѣ Ты знаешь еще не все. Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ вспоминается поѣздка въ Калугу, очень по моему для мамы существенная, о которой я Тебѣ не рассказывалъ, да о которой и самъ какъ-то давно не вспоминалъ...

Уже съ самаго утра у насъ въ домѣ было таинственно и тревожно. Отецъ отправлялся на охоту, наполняя и комнаты и конюшню и дворъ шумомъ, весельемъ и разносами.

Пообѣдавъ въ одиночествѣ, онъ высокими сапожницами громко простучалъ мимо нашей дѣтской по корридору и уѣхалъ на разгонной своей тройкѣ со своимъ любимымъ кучеромъ Никифоромъ, прозваннымъ за кроткій нравъ и степенную ѣзду «Господи помилуй». Мамѣ онъ не подавалъ никогда.

Обѣдали мы одни, такъ какъ мама къ столу не вышла, и страшно удивлялись громаднымъ порціямъ, которыя бралъ себѣ нашъ гувернеръ Ничке (кто ему мѣшалъ съѣдать такія-же при мамѣ и отцѣ, я до сихъ поръ никакъ не пойму). Послѣ обѣда Ничке засадилъ насъ раскрашивать картинки и требовалъ, чтобы мы ходили на цыпочкахъ, такъ какъ «die Mutter ist unwohl». Но это «unwohl» оказалось преувеличеннымъ. Фиолетя, какъ сейчасъ помню, какого-то пѣтуха, я вдругъ вздрогнулъ услышавъ прекрасный маминъ голосъ въ далекой гостиной. Бросивъ все, я выскочилъ въ корридоръ и, прощмыгнувъ въ гостиную, незамѣтно юркнулъ подъ рояль.

Сидѣть подъ роялемъ было для меня въ то время совершенно неописуемымъ удовольствіемъ. Мнѣ казалось, что маминъ голосъ звучитъ подъ роялемъ какъ то особенно

тайнственно, что подъ роялемъ какъ то слышишь струнный звукъ инструмента, словно играютъ не только на роялѣ, но и на арфахъ. Особенно же нравились мнѣ маленькія мамыны туфельки, то нажимающія то отпускающія педаль; помню, что я бывало по долгу не сводилъ съ нихъ глазъ. Какъ это ни странно, но эти часы подъ роялемъ были моими первыми вдохновенными часами.

Въ тотъ тревожный день, о которомъ пишу Тебѣ, мама пѣла особенно хорошо: чисто, скорбно и страстно. Я слушалъ ее съ бьющимся сердцемъ. Когда-же она неожиданно оборвала любимый мой романсъ на высоко взлетѣвшей нотѣ, я не выдержалъ и весь въ слезахъ прильнулъ къ ея затихшей на педали туфлѣ. Мама страшно испугалась (больше всего на свѣтѣ боялась мышей). Выскочивъ изъ подъ рояля, я уже приготовился къ строгому выговору, но, увидавъ меня, она все сразу-же поняла. Гнѣвная складка на ея лицѣ мгновенно расправилась; она привлекла меня къ себѣ и, цѣлуя въ голову, тихо сказала: «ты всегда можешь слушать, когда я пою, только другой разъ входи громко, чтобы я слышала, а то я какъ нибудь испугаюсь во время пѣнія, и такъ и останусь съ раскрытымъ на всю жизнь ротомъ». При этихъ словахъ, милые, сѣрые слегка слишкомъ круглые глаза ея засвѣтились нѣжною лаской; размѣявшись явно только для меня, она взяла съ пюпитра скомканный платочекъ, чтобы вытереть имъ мои щени, но свѣчи задула и пѣть, какъ я ни просилъ, уже больше не стала.

За сильно запоздавшимъ ужиномъ она ничего не пѣла, была разсѣянна и очень молчалива. Сказала только Ничке, что я завтра къ девятичасовому поѣду съ ней на станцію, и чтобы меня потеплѣ одѣли. Я очень обрадовался этому извѣстію, но проявить своей радости на этотъ разъ, не знаю почему, не посмѣлъ. Когда послѣ ужина мы съ братомъ подошли къ ней проститься, она поцѣловала меня крѣпче обыкновеннаго, но перекрестить

насъ позабыла и до дѣтской, какъ дѣлала это каждый вечеръ, не довела.

Ночью мнѣ снилось ея пѣніе, а можетъ быть не снилось, а слышалось сквозь сонъ. Раньше двѣнадцати мама никогда не ложилась и пѣла охотнѣе всего по вечерамъ. Помню тревогу и грусть этой ночи.

На слѣдующее утро я уже сидѣлъ въ коляскѣ, а Авдѣй Ивановичъ на козлахъ, когда она вышла изъ парадныхъ стеклянныхъ дверей своею легкой походкой довольно полной женщины въ сѣромъ шелковомъ пыльникѣ поверхъ англійскаго костюма, въ сѣрыхъ перчаткахъ и въ маленькой шляпѣ съ моей любимой рябиной. Была она въ этомъ дорожномъ костюмѣ, запомнившемся мнѣ на всю жизнь, очень изящна, очень красива, и отъ нея нѣжно и таинственно пахло фіалкой.

Закутавъ намъ ноги пледомъ и застегнувъ фартукъ, милостивая мамина горничная Лиза (мама всю жизнь не переносила вокругъ себя некрасивыхъ людей) сказала «готово», съ козелъ раздалось «пускай», два конюха отпустили перебиравшихъ ногами пристяжныхъ, специально маминъ кучеръ Яковъ, громадный красавецъ мужикъ съ коленою черною бородой, чуть нагнувшись впередъ, какъ-то особенно повелъ локтями, и мы съ мѣста же «бросились догонять дорогу», какъ шалую мамину ѣзду, съ которою вѣчно тщетно боролся отецъ со своимъ «Господи помилуй», остроумно называла вся наша дворня.

Такой легъ полагался у Якова до самаго Маслова. Только взлетѣвъ на масловскую гору, сдерживалъ онъ лошадей и уже до самой станціи ѣхалъ ровною, спороурысью. Для меня такія поѣздки были величайшими праздниками. Все свое дѣтство я велъ упорнѣйшую и безуспѣшную борьбу съ няньками, гувернантками и самимъ Инчке за право въ свободное отъ занятій время пропадать на своемъ любимомъ конномъ дворѣ...

Сейчасъ вокругъ меня оживленная людская толпа, шумурганье сотни подошвъ и несмолкаемый гулъ; пах-

петь борщомъ, фритюромъ, табакомъ и пыльными чехлами, но я всего этого не чувствую. У меня и въ сердцѣ и въ глазахъ и въ ноздряхъ совсѣмъ другое...

Мы ѣдемъ тѣмъ же шивкинскимъ лѣсомъ, которымъ сегодня Ты провожала меня. Пахнетъ терпкой влажной осеннею прѣлью, острымъ лошадинымъ потомъ, взмыленнымъ ремнемъ, лакомъ пролетки и фіалкой. Въ бющемся моемъ сердцѣ поютъ подобранные бубенцы, а въ усталомъ мозгу утомительно пляшетъ, задѣвая кусты орѣшника, лакированный валежъ лѣвой пристяжкой. Я сижу рядомъ съ мамой, просунувъ свою руку подъ ея локоть и крѣпко прижимаюсь къ нему щекой; чувствую ея родное тепло, изрѣдка робко подымаю свои глаза къ ея лицу. Ея брови сдвинуты, глаза чуть прищурены. Она очень блѣдна, смотреть вдаль, и мнѣ ее страшно жалко. Хочется что-то сказать, о чемъ-то спросить, но я не знаю что и о чемъ. Слова любви приходятъ много позднѣе ся самой, Наташа. То-же, что я тогда испытывалъ, было конечно первую мою любовью, и эта первая влюбленность въ таинственный образъ моей матери, быть можетъ, глубочайшій корень всѣхъ послѣдующихъ чувствъ.

Въ ноѣздѣ мама всѣ два часа съ какою-то нарочитой тщательностью рассказывала Авдѣю Ивановичу, гдѣ и что ему надо будетъ купить: какой колбасы у Барута, какихъ консервовъ у Свѣшникова и т. д. и т. д. Сиди на откидномъ столикѣ у окна и смотря какъ обѣгутъ за стекломъ, чередуясь другъ съ другомъ, вобѣгающія къ горизонту дали и сбѣгающіе къ полотну лѣса, я испытывалъ безконечную, безотчетную грусть. Когда-же среди множества хозяйственныхъ наставленій слышалъ распоряженіе чѣмъ кормить меня за обѣдомъ, изъ чего сразу-же заключилъ, что мама будетъ обѣдать одна, и не выдержалъ и разрыдался.

Не понимая, что случилось, мама кинулась ко мнѣ, взяла въ свои руки мою голову, подняла ее и, все прочтя

въ моихъ глазахъ, принялась съ такою нѣжностью утѣшать меня, прося прощенія своими прекрасными сѣрыми глазами, что мои слезы потекли еще горячѣй, еще обильнѣй уже не только отъ жалости къ себѣ, но и отъ жалости къ ней.

Напрягая всю свою волю, я все-же никакъ не могъ перестать плакать, и все упорнѣе спрашивалъ маму, зачѣмъ же она взяла меня съ собою, разъ мы весь день не увидимся. На этотъ вопросъ у нея не было и не могло быть никакого понятнаго для меня отвѣта.

Безпомощно стоя передо мной, она дрожащею рукою вытирала мнѣ щеки душистымъ своимъ платкомъ и, смотря на меня глазами полными слезъ, какъ то очень страшно, словно творя про себя молитву или заклинаніе, неустанно шептала какія-то тогда мнѣ мало понятныя, но отчетливо залѣмнившіяся слова: — «такъ нужно, Коленъка, когда вырастешь, все поймешь... Вижу свою мнѣ все время нужно передъ собой видѣть. Будешь ты меня сегодня ждать, вотъ я и вернусь, вернусь непременно! Ты не плачь, ты вѣрь, а то я сама въ себя вѣрю потерю!»

Говорила-ли мама со мной точно такими словами, я не знаю, Наташа, но пишу ихъ сейчасъ такъ, какъ будто мнѣ ихъ кто-то диктуетъ. Ихъ смыслъ, ихъ боль, ихъ надежда и ихъ отчаяніе — все это во всякомъ случаѣ точно до наимельчайшей черточки.

Сейчасъ мнѣ вѣдь снова не больше девяти лѣтъ, и я чувствую, что совсѣмъ, совсѣмъ-бы не удивился, если-бы вдругъ распахнулись двери и я увидѣлъ бы маму, возвращеніи которой изъ города двадцать съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ я ждалъ съ такимъ послѣднимъ отчаяніемъ.

Вѣдь память гораздо больше, чѣмъ только память, Наташа. Настоящая память — реальное перевоплощеніе — величайшее чудо жизни — нерушимый залогъ и единственное доказательство безсмертія нашей души.

Въ ту поѣздку мы съ Авдѣемъ Ивановичемъ долго ждали «нашу барыню». Сказавъ, что вернется къ семи-часовому, она вернулась только къ ночному курьерскому. Выпившій за обѣдомъ лишнюю рюмку и очень уставшій отъ города, Авдѣичъ прилежъ прикорнуть на диванѣ, а мнѣ велѣлъ сторожить короба съ закуской, чтобы «Боже упаси, чего не пропало».

Этотъ вечеръ, Наташа, быть можетъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ вечеровъ всей моей жизни. Заль I и II класса темень и пустъ. Горятъ всего только двѣ прикрученныя стѣнные лампы, да при свѣчѣ за буфетомъ, бросая на стѣну огромную тѣнь, сидитъ за счетомъ и книгами какая то странная, нахохлившаяся фигура въ очкахъ. На диванѣ рядомъ со мной со стономъ, словно больной, храпитъ Авдѣй Ивановичъ. Какъ только онъ, переворачиваясь съ боку на бокъ, слегка затихаетъ, сейчасъ-же изъ тишины возникаетъ тревожное тиканье круглыхъ стѣнныхъ часовъ. Каждые полчаса они бьютъ зловѣще и неумолимо: девять ударовъ, ударъ, десять ударовъ, ударъ... Фигура кончаетъ считать; громко звенить тяжелой связкой ключей и, призрачно прожестикнувшись громадной рукой по потолку, задуваетъ свѣчку, темнѣетъ и пропадаетъ въ дальнемъ углу буфета.

Мнѣ жутко, затылокъ горитъ и сердце сжимаетъ отчаянный страхъ: — а что если и совсѣмъ не пріѣдетъ?

До курьерскаго остается всего только полчаса. Выходитъ какой-то человекъ и отпускаетъ лампы; выходятъ заспанные лакеи и зажигаютъ лампы въ буфетѣ и на длинныхъ столахъ. Въ маленькія дверцы за буфетомъ два поваренка на полотенцахъ вносятъ громадный, мѣдный въ клубящемся парѣ самоваръ... Я рѣшительно задыхаюсь отъ волненія и уже не отрываю глазъ отъ часовъ. Недолитые стаканы черного кофе и стопочка плюшекъ уже разнесены по столамъ. Давно проснувшійся Авдѣй Ивановичъ нанявъ носильщика выносить наши короба на платформу, а мамы все нѣтъ и нѣтъ!

Вдругъ откуда-то издали на бьющееся мое сердце отчаянно налетаетъ заунывный, точно о чемъ то предупреждающій свистъ. Секунда — и мелькая красными пятнами по занавѣшаннымъ окнамъ въ вокзалъ съ грохотомъ врывается курьерскій... Первый звонокъ!!!

За окномъ, слуская паръ тяжелыми толчками, могуче дышитъ уставшій паровозъ, и отъ его дыханія на моемъ столѣ нѣжно позваниваютъ хрустальные подъяски кондеябра (я сейчасъ слегка дотронулся до нихъ, Наташа. Они не обманули: съ абсолютною точностью воспроизвели памятный сердцу звукъ).

Авдѣй Ивановичъ вернулся, уговариваясь сѣсть въ вагонъ: «можетъ мамаша прямо на платформу пройти — оно на людяхъ можно проглядѣть. А въ вагонѣ непременно встрѣтятся — потому перваго класса всего два вагона и всѣ вагоны гармоніей», но я отказываюсь наотрѣзъ. Умираю отъ волненія и двинуться отъ того стола, у котораго сговорились встрѣтиться, никуда не могу.

Но вотъ наконецъ, наконецъ-то, за секунду до второго звонка, появляется мама. Вволнованно оглядываясь по сторонамъ, она почти бѣжитъ ко мнѣ между двумя столами. Я со всѣхъ ногъ бросаюсь къ ней навстрѣчу. Она приподнимаетъ меня. Мы крѣпко обнимаемъ другъ друга. Въ ея волосахъ ж вуали такъ свѣжъ ночной осенній воздухъ, на горячихъ щекахъ соленый вкусъ слезъ! Нѣсколько секундъ длится вѣчность совершенно непередаваемого счастья!

Но вотъ надъ самымъ моимъ ухомъ внезапно раздается чужой, самоуверенный и недовольный голосъ: «ну довольно Маруся, довольно; надо торопиться въ вагонъ. Кончится тѣмъ, что Вы въ концѣ концовъ опоздаете!» Я поднимаю голову и вижу, что за маминой спиной стоитъ высконій, гладко бритый, слегка сѣдѣющій мужчина, левно одѣтый въ синюю поддевку, туго перетянутую узкимъ ремнемъ. У него голые, темные, словно жстут-

пающіе глаза и громадныя бѣлыя красивыя руки, въ которыхъ онъ держитъ свѣжія офицерскія перчатки и желтый шикарный стэкъ. Не говоря худого слова отвратительный этотъ господинъ фамильярно беретъ маму подъ руку, сгребаетъ своею лѣвою ручищей мой судорожно сжатый кулакъ и съ озабоченнымъ видомъ друга покровителя спѣшно выводитъ насъ на платформу. Ненавидя его всю душой, я изъ послѣднихъ силъ пытаюсь освободить свою руку; но мои усилія этому грубому великану совершенно не замѣтны. Онъ что-то очень оживленно по французски говоритъ смущенной, грустной и непонятно послушной мамѣ, подводитъ насъ къ нашему вагону, помогаетъ мамѣ войти на площадку и, схвативъ меня подъ локти, безчувственно, словно пацетъ, подаетъ сѣ меня. Влетѣвъ затѣмъ въ наше купэ, онъ кладетъ на столикъ громадный бунетъ красныхъ розъ, который кто-то подаетъ ему въ окно, обдаетъ маму наступающимъ взглядомъ наглыхъ глазищъ, цѣлуетъ обѣ ея руки, не замѣчая меня треплетъ по щекамъ съ непонятными мнѣ словами: «очень радъ былъ съ вами познакомиться, счастливый соперникъ», на довольно быстромъ уже ходу выснакиваетъ на платформу и оттуда снова привѣтствуетъ насъ головой и высоко поднятой надъ нею правой рукой, снимающей стэкъ и перчатки. Ну прямо итальянскій теноръ, кокачающій, отступая вглубь сцены, любимую публикой арію. Я видѣлъ этого человѣка только одинъ разъ, Наташа. Но ненависть, внушенная имъ мнѣ, до сихъ поръ каждый разъ оживаетъ въ душѣ, когда вспоминаю о немъ...

Въ купэ синій полумракъ. Я лежу на диванѣ головой къ окну. Сильно пахнутъ розами. Мама сидитъ рядомъ со мною и масково уговариваетъ постараться заснуть, чтобы ночью не клевать носомъ въ пролетки.

Но о снѣ не можетъ быть и рѣчи: заснуть, оставить маму вдвоемъ съ нимъ — ни за что! Я ее такъ безконечно люблю, она такая красавица. Ея милая своеобразно

откинута назадъ голова устало прислонена къ спинкѣ дивана, изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ льется свѣтъ и губы приоткрыты: — какъ почти всегда она что-то про себя напѣваетъ. Отъ ея руки знакомо пахнетъ фиалкой, кожей перчатки и пудрой. Я съ робкою нѣжностью цѣлую эту дорогую родную мнѣ руку и весь горю нетерпѣливымъ желаніемъ спросить, кто былъ этотъ непріятный господинъ на вокзалѣ. Но вопросъ не сходить съ губъ: мѣшаетъ и гордость и ревность и дисциплинированность благовоспитаннаго ребенка. Но послѣ нѣкоторой борьбы я все же преодолеваю всѣ эти чувства и спрашиваю: «мама?» «Что Коля?» «Кто этотъ господинъ, съ которымъ Ты пріѣхала?» Ничего не было-бы естественнѣе, какъ отдѣлаться пустымъ отвѣтомъ взрослому человѣку ребенку. Но пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, мама очевидно поняла, что мой вопросъ не былъ празднымъ любопытствомъ. Помолчавъ минуту она отвѣтила мнѣ просто и серьезно какъ взрослому другу: «это человѣкъ, котораго я очень люблю, Коленька».

Я какъ сейчасъ помню странно-спокойный, обреченный тонъ этихъ словъ, мучительно-больно всколыхнувшихъ всѣ мои мысли и чувства и наполнившихъ душу тысячью страшныхъ и невыносимыхъ сомнѣній.

Девятилѣтній ребенокъ гораздо болѣе сложное и главное зрѣлое существо, чѣмъ думаетъ большинство безпамятныхъ взрослыхъ. Я прекрасно помню, какъ послѣ внезапнаго маминаго признанія у меня сразу-же вспыхнулъ вопросъ: «а какъ же я?» Но этотъ вопросъ я тутъ-же стыдливо поборолъ въ себѣ и самъ почти удивился, когда послѣ долгихъ минутъ труднаго молчанія неожиданно смѣло спросилъ: — «а какъ же папа?»

Мнѣ думается, Наташа, что въ этомъ странномъ моемъ разговорѣ съ мамой, о которомъ мы съ ней одинъ-только разъ вспоминали уже не задолго до ея смерти, всѣ вопрошанія мои доходили до ея слуха какъ ея же собственныя, вслухъ произносимыя сомнѣнія. Уже

очень растеряны, искренни и непосредственны были ее не материнскіе мнѣ отвѣты, произносимые ею въ какой-то странной разсѣянности, точно въ разговорѣ съ самою собой.

«А какъ-же папа? Какъ же папа?» Съ этими моими словами на устахъ мама высвободила свою руку изъ моей, медленно встала, подошла къ окну и энергично вздернула желтую шторку. Сложивъ за спиной руки и опустивъ голову, она невидящими, широко раскрытыми глазами долго смотрѣла въ темноту. Потомъ снова опустилась рядомъ со мной на диванъ, низко нагнулась ко мнѣ и, ласково отбросивъ назадъ мои также-же непокорные какъ и у нея самой волосы, стала легкими поцѣлуями быстро покрывать мой лобъ и глаза, приговаривая страннымъ, беззвучнымъ, какимъ-то вдыхающимъ шопотомъ все одни и тѣ-же слова: «какъ съ папой... — не знаю мой милый, совсѣмъ, совсѣмъ не знаю... не знаю...» Я крѣпко обнимаю мамину шею и, спрятавъ лицо въ ея плечѣ, зажмуривъ для храбрости глаза, собравъ всѣ свои силы съ послѣднимъ напряженіемъ спрашиваю о самомъ для меня важномъ: «а какъ-же я? — Неужели Ты любишь его больше меня?» — «Если-бы любила больше, сегодня-бы не вернулась къ Тебѣ»... Мама ~~нѣжно~~ смѣется и пытается развести мои руки хочеть ~~выгнать~~ мнѣ въ глаза. Но мои руки сцеплены крѣпко, ~~лицо~~ горитъ отъ стыда и волненія и я чувствую — пока не кончу вопроса — умру, но не покажу ей своего лица.

«А Ты больше не поѣдешь? Ты навсегда вернулась къ намъ съ папой?» — «Но знаю, Колянька» — «А вѣдь онъ такой неприятный, гадкій! Почему Ты его любишь?»

На этотъ вопросъ я такъ и не получала отвѣта, Наташа растерянно улыбувшись мнѣ заплаканными глазами, мама обѣщала отвѣтить, когда вырасту.

Но вотъ я выросъ, Наташа, скоро начну старѣть, а ~~мамино~~ отвѣта такъ и не знаю и не узнаю уже ни-

когда. Увѣренъ, что она до послѣдней минуты страстно искала его, и не нашла. Оттого, быть можетъ, и ушла самовольно изъ жизни.

Всю жизнь она ничего не презирала больше самоубійства, считая его безсиліемъ, безбожіемъ и главное уродствомъ. Всю жизнь говорила намъ о томъ, что хочетъ завѣщать намъ свой образъ свѣтлымъ и красивымъ — и вдругъ... конецъ, наперекоръ всѣмъ устремленіямъ!

Сколько я думалъ надъ разрѣшеніемъ этой загадки! Но только сегодня впервые, быть можетъ, вижу, какъ все докатилось до своего страшнаго конца... Какъ будто мама сама приходила ко мнѣ и сама открыла мнѣ тайну своей внезапной кончины въ Лугано.

Отъ природы очень буйная и закидистая, она была поразительно сознательна и умна. Не разъ въ жизни теряя всякую власть надъ собою, она никогда не теряла правильной оцѣнки себя и того, что съ нею происходитъ. Эту ея черту я каждый день заново ощущаю въ себѣ. Только во мнѣ меньше непосредственности, больше воли и гораздо больше любви къ проблематикѣ жизни.

Своего темнаго героя она видѣла, я увѣренъ, насквозь; противъ своего «навожденія» отчаянно боролась, и свое чувство, какъ никакъ, все-же сломала. Но именно «сломала», а не изжила. Съ отцомъ они изъ за этого «не изжила» къ началу московской жизни не только не примирились, но какъ-то разошлись. Во всякомъ случаѣ мы цѣлыхъ четыре года съ нимъ почти совѣмъ не видались. Онъ и зиму и лѣто страстно совершенствовались Касатьинъ. Мы же на лѣто ѣздили не къ нему, а въ Луганово, гдѣ страннымъ образомъ столько лѣтъ росли рядомъ съ Тобою, ничего не зная другъ о другѣ.

Примирились-же родители окончательно и глубоко вѣроятно только во время болѣзни Павла. Тутъ и мамѣ было уже не до «закидокъ», и отецъ вѣроятно понималъ, что для того, чтобы любоваться женщиной, совѣмъ не необходимо ее постолько волновать и сердить.

Павлина болѣзнь и смерть маму окончательно подорвали. Доктора категорически требовали, чтобы она бѣжала за границу не столько лѣчиться, сколько отдохнуть душой и нервами. Эта побѣдка и оказалась для нея роковой. Увѣренъ (раньше это никогда не приходило въ голову), что въ Лугано она встрѣтилась съ Алексѣемъ Григорьевичемъ и, встрѣтившись, поняла, что не все еще умерло, что она «его» чувствуетъ, какъ ампутированный свою отрѣзанную руку. Открытіе это, послѣ трехлѣтней борьбы со своимъ «навожденіемъ» и главное въ душѣ, до краевъ наполненной памятью о Павлиныхъ страданіяхъ и смерти, должно было произвести на нее ошеломляющее впечатлѣніе. На свой позоръ какъ я ее помню и сегодня какъ-то особенно ясно вижу она не могла не вскинуться всѣмъ своимъ благороднымъ и свободолюбивымъ существомъ. Есть люди, Наташа, которымъ выпадаетъ на долю всю жизнь изживать какія-то имъ самимъ чуждыя судьбы. Мама принадлежала къ нимъ. Страшно подумать въ какой она умерла безысходной тоскѣ, въ какой гордости, и въ какомъ стыдѣ за себя; въ какомъ отчаяннѣ, что не осилить и снова предать позору и человѣческую свою свободу и скорбь и достоинство матери, только что схоронившей своего ребенка... Очень хотѣлъ бы я, Наташа, какъ нибудь поговорить объ этомъ съ отцомъ. Уже сколько разъ пытался я спросить его о мамѣ и Алексѣѣ Григорьевичѣ, но онъ глухъ, нѣмъ и непоколебимъ, какъ скала надъ моремъ. Того, надъ какими бурями онъ непреклонно простоялъ всю свою жизнь, отъ него не скоро узнаешь. Вѣдь у насъ во всемъ домѣ Ты не найдешь ни одной личной маминой вещи, ни одной ея фотографіи. То, что она смертью искупила свой грѣхъ, для него врядъ ли смягчающее вину обстоятельство. Скорѣе наоборотъ: «лучше бы опять со своимъ джентльмэномъ сошлась, только-бы не бросала дѣтей и не губила-бы своей христіанской души». Такова, думается мнѣ, должна

быть жестокая точка зрѣнія этого страннаго — замкну- таго, сильнаго, на людяхъ неизмѣнно веселаго человѣка. Какой онъ наединѣ съ самимъ собою, я до сихъ поръ не знаю. Во всякомъ случаѣ онъ одиночества не любитъ и несмотря на свое почти оффиціозное православіе очень боится смерти. Маму онъ любилъ изступленно, въ этомъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Ско- рѣе руку на медленномъ огнѣ сжегъ-бы, чѣмъ посмо- трѣлъ на какую нибудь другую женщину. И сейчасъ если онъ что либо любить кромѣ Касатыни, охоты и Моцарта, такъ только память о ней. Оттого и изъялъ изъ своего обихода все, что могло бы ее напомнить. Разъ навсегда «повернулъ выключатель», какъ онъ говорить. Я не знаю, Наташа, замѣтила-ли Ты, что этотъ свой выключатель онъ почему-то всегда поворачиваетъ пра- вой рукой у лѣваго виска, странно наклоняя при- этомъ набокъ свою свою упрямую, угловатую го- лову.

Пока подагра и бронхитъ у него не кончатся, Ты вѣрно будешь подолгу сидѣть у него въ кабинетѣ. Мо- жетъ быть Тебѣ откроетъ онъ свое сердце... Иной разъ мнѣ думается, что за послѣднее время онъ молчитъ уже больше изъ за настойчивости и по инерціи, самъ тягс- тясь своимъ одиночествомъ. Въ концѣ концовъ онъ хотя странный и противорѣчивый, но гдѣ-то все-таки и очень элементарный человѣкъ. Хранить-же на душѣ тайну для элементарнаго, дѣйственаго человѣка, не иску- шеннаго въ тонкостяхъ разлагающаго самосозерцанія, должно быть дѣломъ очень нелегкимъ. Ну, Наташа, надо кончать. Что-то все засуетилось кругомъ! Вѣроятно нути исправлены и мы скоро ѣдемъ. Простояли мы цѣ- лыхъ четыре часа. Кромѣ меня всѣ все время ворчали, и нервничали; сейчасъ дѣлаютъ видъ, что имъ очень важно, что мы наконецъ двигаемся. А все вѣдь пустая выдумка. Хотѣлось бы знать, у кого изъ моихъ спут- никовъ такъ существенна жизнь, чтобы какихъ нибудь

четыре часа могли-бы дѣйствительно сыграть какую нибудь замѣтную роль.

Что касается меня, я очень благодаренъ судьбѣ за порчу желѣзнодорожныхъ путей. Часы, проведенные за этимъ письмомъ Тебѣ, навсегда останутся большими часами моей жизни.

Входя въ вокзалъ, я никакъ не думалъ, что покидать его мнѣ придется съ болью и благодарностью въ душѣ. Не въ первый разъ проѣзжалъ я сегодня вполнѣ уже взрослымъ человѣкомъ губернской городъ Калугу, но раньше онъ мнѣ мало какъ-то говорилъ. Очевидно не во всякій часъ жизни становится ясенъ душѣ таинственный смыслъ каждаго изжитаго часа.

Ну родная, второй звонокъ. Надо идти въ купе, а ужасно не хочется. Со мною ѣдетъ страшно болтливый высоколиберальный генераль, начинающій каждую фразу со словъ: «а вѣдь вотъ въ Европѣ». Обнимаю Тебя и цѣлую. Слѣшу страшно.

Твой Николай.

Москва, 19-го августа 1913 г.

Пишу Тебѣ милая какъ обѣщалъ — звено въ звено, чтобы все Твоему сердцу видно и слышно было.

Разстройство путей дало обильную пищу гражданскому негодованію и либеральной мечтательности Фхавшаго со мной генерала. Но, какъ извѣстно, нѣтъ худа безъ добра: разозливъ меня и крѣпко надоѣвъ, онъ въ концѣ концовъ нагналъ на меня сонъ. Вставъ почти съ разсвѣтомъ, я устроился у проводника. Онъ поставилъ самоваръ и заварилъ кофе; доставъ сборникъ «Сирина» я сталъ читать Бѣлаго. Но читалъ недолго, бросилъ. Во многомъ Твое первое впечатлѣніе вѣрно. «Петербургъ» — вещь сильная, быть можетъ геніальная. Но читать его у свѣтлаго утренняго окна въ ощущеніи жизни и правды бѣгущихъ мимо тебя пахотъ, деревень, лѣсовъ

и церковей — нельзя. Все это Бѣлаго просто напросто гасить. Его надо читать въ Петербургѣ ночью гдѣ нибудь на четвертомъ этажѣ, въ полупустой комнатѣ, въ двойномъ свѣтѣ оплывающей свѣчи и закипающагося за окномъ туманнаго Петербургскаго утра.

Впрочемъ, Ты вѣдь знаешь, я вообще не люблю читать въ вагонѣ. Пока есть на что смотреть, мнѣ трудно листать однообразныя книжныя страницы. А гдѣ-же и когда бываетъ такъ, чтобы глазамъ не на что было смотреть?

Странное это конечно соображеніе для человѣка, ѣдущаго сдавать магистерскій экзаменъ, но вѣдь и вся моя философія — защита жизни противъ построеній и живыхъ глазъ противъ точекъ зрѣнія. Только на зрѣніи, на созерцаніи возможно дѣйствительное вызрѣваніе души. Знаешь, мнѣ кажется, что та глава, въ которой я доказываю, что сущность подлинной философіи не столько въ постиженіи, сколько въ пороженіи бытія, что философъ не столько познающій, сколько предметъ познанія — написана очень убѣдительно.

Посмотримъ что скажетъ факультетъ. Въ русской академической философіи господствуютъ другія вѣянія.

Впрочемъ эти разсужденія уже психологическій «кросингъ» эпическому повѣствованію, а потому возвращаюсь обратно.

Къ Москвѣ мы нагнали опозданіе, такъ что прибыли почти своевременно, около десяти утра.

Подъѣзжалъ я, какъ это ни странно; съ большимъ волненіемъ. Какъ ни какъ вѣдь цѣлыхъ два года не былъ въ Москвѣ.

Есть въ лѣтней Москвѣ какой-то совсѣмъ особенный звукъ, какая-то трудно уловимая складка. Въ ней виднѣй мастеровой и торговый человѣкъ, параднѣе въ цвѣтной рубашкѣ дворникъ. На Ильинкѣ, Варваркѣ и Китай-городѣ собственныя пролетки все больше безъ верховъ, а кучера налегкѣ — въ картузахъ и поддевахъ,

а то и просто въ длинныхъ пиджакахъ. Всюду дѣловые люди, дѣловой стиль, все торопится. На Кузнецкомъ почти совсѣмъ нѣтъ нарядной московской барыни, на Пивитской обтрепаннаго студента...

На Тверской, на Басманной, на Мясницкой — возлы и бѣлые смоленскіе мужики въ онучахъ и лаптяхъ; пахнетъ горячимъ асфальтомъ, стелется дымъ...

По окраинамъ, не разъѣзжающимъ на дачу — мелодичные распѣвы ярославскихъ и володимірскихъ продавцовъ «арбузовъ» и «вишеней» и невнятное бормотаніе «внязей». Въ подворотняхъ же по дворамъ — шарманки и дребезжащіе дисканты; иной разъ шмелиный гудъ слѣпыхъ...

Утромъ, на приекѣ у Пушкина, какъ ящерицы на солнцѣ — какіе-то неопредѣлимаго происхожденія старушки и старички, пахнушіе прѣлой соломой изъ подъ антоновскихъ яблокъ, жующіе свои безкровныя губы и задумчиво выводящіе на песокъ большими парусиновыми зонтиками никому непонятные іероглифы изжитыхъ своихъ жиней...

Зато въ пять часовъ на томъ же «Тверскомъ» военная музыка и густая, прикащичьи-писарская въ начищенныхъ сапогахъ, въ перетянутыхъ таліяхъ, въ косичкахъ, акромкерахъ и рубашкахъ фантази, веселая, выкрутасистая, въ густой любовной атмосферѣ, какъ карась въ тинѣ, воршащаяся и медленно, медленно вверхъ и внизъ по бульвару вползающая и сползающая толпа.

Послѣ музыки бульвары быстро пустѣютъ; но поздно вечеромъ, когда звонко пролетятъ одинъ за другимъ послѣдніе свѣтлячки трамваевъ, а надъ асфальтомъ Тверской въ бѣломъ свѣтѣ электрическихъ шаровъ взлетитъ къ Триумфальнымъ воротамъ московскій лихачъ, они снова наполняются жизнью.

По всѣмъ скамейкамъ—парочки. На темныхъ боковыхъ дорожкахъ шуршащіе шаги. У Срѣтенскихъ воротъ, прыщавый черепъ съ подрыгивающей въ зубахъ

напироской, любовь къ Никитскимъ воротамъ подходит почему-то въ болѣе благообразномъ видѣ; у Пречистенскихъ же или въ скверѣ храма Спасителя, сидитъ иной разъ (на какой-нибудь глубоко спрятанной въ зелени скамейкѣ) и совсѣмъ романтическимъ существомъ съ бьющимся дѣвичьимъ сердцемъ подъ ветхой студенческой шинелью. Въ приарбатскихъ переулкахъ въ эти поздніе часы надъ хилой зеленью городскихъ палисадниковъ раскрывается незанавѣшенное окно какой-нибудь влюбленной консерваторки; и проливается въ лѣтнюю ночь бравурная розсыпь рапсодіи Листа, и замираетъ въ ней ничего не разрѣшающій, недоумѣнный вопросъ ноктюрна Шопена...

Стоишь бывало, пріѣхавши по маминымъ порученіямъ изъ Лунева гимназистомъ и слушаешь, слушаешь, и такъ не хочется идти одному ночевать въ пустую, затянутую кисеей и пахнущую нафталиномъ квартиру, и такъ ждешь чего-то и такъ уносишься куда-то крылатымъ, восторженнымъ сердцемъ...

А навстрѣчу твоему сердцу изъ за Доргомилова одинъ за другимъ несутся такіе же тревожно заунывные взрывы налетающихъ на Москву поѣздовъ... Словно на что-то свое спорбно жалуются сирые въ ночи просторы, просясь пригрѣться у мерцающаго вдали костра, у всеобъемлющаго сердца освѣщеннаго города!...

Все это вспоминалось, отогрѣвалось и оживало въ душѣ, пока старенькій извозчикъ хитроумно, изъ переулка въ переулокъ, везъ меня съ Курскаго вокзала къ Вамъ на Тверскую.

У стеклянной двери магазина меня фамиліарно встрѣтилъ Вашъ Михайла, все еще не добившійся у Константина Васильевича права смѣнить свою синюю поддевку на «европейское платье» и очень отъ этого страдающій въ глубинѣ своей смердяновской души.

На верхней лѣстницѣ, еще не усталой по случаю лѣтняго сезона новромъ, на порогѣ передней стоялъ,

очевидно уже давно ожидая меня, самъ Константинъ Васильевичъ. Вбѣгая къ нему, я страннымъ образомъ видѣлъ себя сбѣгающимъ мнѣ навстрѣчу послѣ объясненія съ Алешей. Когда мы обнялись, я услышалъ какъ у Михайла хлопнула дверь и увидѣлъ себя быстро идущимъ внизъ по Тверской...

Взявъ подъ руку, Константинъ Васильевичъ повелъ меня прямо въ столовую. За время, что я его не видалъ, онъ по моему опредѣленно помолодѣлъ и похорошѣлъ. Очевидно дѣла его идутъ прекрасно, а только-что купленное имѣніе доставляетъ громадную радость. Онъ весь свѣтится счастьемъ, добротой и благожелательствомъ.

Какъ всегда чистенькій, аккуратный и старомодный, въ традиціонно-сѣромъ костюмѣ, точно только что вышедшемъ изъ подъ портновскаго утюга, и большихъ круглыхъ манжетахъ, онъ маленькой своею ручкой крайне тщательно наливалъ мнѣ чай съ «деревенскими сливками» и, передавая черезъ широкій столъ не до краевъ наполненный стаканъ (чтобы не пролить), очень ласково взглядывалъ на меня Твоими карими глазами изъ подъ такихъ же какъ у Тебя, тщательно начертанныхъ въ формѣ *accent circonflexe* темныхъ бровей.

Въ продолженіи нашего длительного чаю къ нему нѣсколько разъ приходили служащіе изъ мастерскихъ и магазина съ самыми разнообразными вопросами. Онъ разъяснялъ все крайне обстоятельно, назидательно, по отечески, очень гордясь, что почти всѣ мастера свои выученики изъ мальчиговъ, и явно обличая во всей своей хозяйской повадкѣ старинную добротачественность своего духовнаго происхожденія.

Говорить съ нимъ, кромѣ какъ о «Корчагинѣ», сейчасъ ни о чемъ нельзя. И онъ и Лидія Сергѣевна только и живутъ ощущеніемъ, что осуществилась мечта всей ихъ жизни — куплено имѣніе: есть гдѣ умереть и что оставить дѣтямъ.

Когда я сказалъ, что никакъ не могу сразу же поѣхать въ деревню, что мнѣ прежде всего необходимо связаться съ университетомъ, Румянцевскимъ музеемъ, переговорить съ факультетомъ, а можетъ быть, если въ Москвѣ не все устроится, то и поѣхать въ Петербургъ, онъ опечалился какъ ребенокъ. Пришлось уступить и сговориться, что въ субботу я вмѣстѣ съ нимъ, хотя бы только на одно воскресенье, поѣду въ деревню.

Приѣхалъ я въ среду. Завтра уже пятница. За одинъ день мнѣ конечно ничего не успѣть, но иначе нельзя было сдѣлать. Константинъ Васильевичъ страшно-бы на меня обидѣлся.

Иду до свиданья, родная. Надѣюсь у Васъ все благополучно. Сейчасъ уже 12 часовъ ночи. Отецъ конечно давно спитъ, Ты же сидишь въ моемъ кабинетѣ и если не пишешь мнѣ, то вѣрно читаешь или шьешь что нибудь и думаешь обо мнѣ. Мнѣ кажется, родная, что самымъ существеннымъ результатомъ моей поѣздки будетъ убѣжденіе, что наша любовь очень намѣнила меня. Уже сейчасъ, при мысли о Тебѣ, я чувствую какую-то не свою въ себѣ тишину. Христомъ съ Тобою, мое счастье. Цѣлую Тебя.

Твой Николай.

Корчагина, 22-го августа 1913 г.

Приѣхалъ я, Наташенька, къ Твоимъ родителямъ на одинъ день, но вотъ живу уже третій. Мою задержку Константинъ Васильевичъ поставилъ на очень серьезную ногу: невозможно гонять лошадей на станцію и въ понедѣльникъ и въ среду. Если нельзя мнѣ остаться до среды, надо ему ѣхать въ понедѣльникъ. А увезти его изъ Корчагина на два дня раньше было бы ужасною жестокостью. Ты не можешь себѣ представить, до чего онъ здѣсь счастливъ и трогательно милъ.

Выѣхали мы съ нимъ въ субботу рано, около четырехъ.

Въ черномъ драповомъ пальто, большой плюшевой шляпѣ и при своей палькѣ, съ ручкою изъ сленовой кости, купленной имъ по случаю еще до женитьбы, о чемъ онъ не преминулъ рассказать мнѣ вѣроятно уже разъ въ двадцатый, онъ выглядѣлъ очень празднично и торжественно. Сѣвъ на сквернаго извозчика (лишній четвертакъ лучше на деревню истратить), мы прибыли на вокзалъ за добрые полчаса и сѣли въ совершенно пустой поѣздъ. Одноколейная Савеловская дорога, по которой я ѣхалъ впервые, учрежденіе очень подходящее ко всему Вашему обиходу, Наташа. Не желѣзная дорога, а какая-то почтовая карета. Въ вагонахъ свѣчи. Скорость не больше 25 верстъ въ часъ. Пассажиры все другъ другу знакомы. Константинъ Васильевичъ со всеми кланялся и многимъ представлялъ меня: «мой зять — помѣщикъ Калужской губерніи». Приэтомъ слово помѣщикъ звучитъ у него вродѣ какъ графъ или князь. Возьмемъ мы съ собою невѣроятное количество коробовъ, пакетовъ — чуть ли не всего Филиппова и Бѣлова, что Константину Васильевичу очевидно доставляетъ большое удовольствіе. Показывая своею палочкой на провисающія и противъ насъ и надъ нами сѣтки, онъ какъ то ласково, конфузливо и мечтательно объясняетъ: «вѣдь вотъ, кажется много, а съѣдимъ въ одинъ день; съ самой весны, какъ купили Корчагино, у насъ домъ полонъ народу. И такъ, знаете-ли, все себя хорошо чувствуютъ и такъ всемъ нравится»... Очень онъ страдаетъ, что Ты осталась въ Касатыни, и страшно ждетъ Твоего пріѣзда.

Выйдя изъ поѣзда, мы сѣли въ низкую, удобную, но довольно потрепанную пролетку, запряженную парой совершенно разбитыхъ лошадей, и медленно поѣхали по довольно унылому шоссе. На козлахъ въ диссоциирующе новомъ халатѣ и такой же новой шапкѣ криво сидѣлъ хмурый, болѣзненный мужикъ, ни на минуту не перестававшій ворча и поругиваясь надмѣстивать своихъ «рѣзвыхъ» коней. Всего этого Константинъ Васильевичъ

совершенно не замѣчалъ. Онъ восторгался теплымъ вечеромъ, мечталъ, какъ въ воскресенье съ утра будетъ стричь анацію, и находилъ, что лошади самыя замѣчательныя: «хотя и любятъ кнутъ, зато удивительно спокойныя и знаютъ дорогу». На мое-же соображеніе, что если онъ не заставитъ Кузьму ѣздить внимательнѣе, то пролеткѣ долго не прослужить, онъ совершенно для меня неожиданно и окончательно вразрѣзъ со всей своей нелюбовью ко всему, что дѣлается «съ полрукъ», преблагодушно заявилъ, что нельзя же съ человѣка требовать внимательной ѣзды, когда «онъ больше тридцати лѣтъ на лошадиный хвостъ смотреть». Точка зрѣнія поистинѣ замѣчательная. Если бы приобрѣтеніе земли дѣйствовало бы на всѣхъ людей такъ, какъ подѣйствовало на Твоего отца, всякое христіанское государство должно бы каждаго гражданина принудительно награждать землей.

Отецъ Твой всегда былъ милымъ человѣкомъ, Наташа, но сейчасъ онъ сталъ прямо таки святымъ. Я пробылъ въ Корчагинѣ только 3 дня, но и за это короткое время убѣдился, что крестьяне его такъ же крѣпко любятъ, какъ злобно надуваютъ. Думаю, что званіе помещика станетъ ему въ немалую копѣечку.

Отъ станціи до Корчагина версть двадцать. Вторая половина дороги много пріятнѣе первой. Вольно сбѣжавъ съ крутого холма мимо темносиняго озера, она сначала весело вьется полями; послѣднія-же 4-5 версть сумрачно тянется глухимъ еловымъ лѣсомъ, по выходѣ изъ котораго скатывается въ сырую туманную котловину, ныряетъ въ оврагъ послѣ чего ласковыми лугами медленно взбирается въ гору къ березовой аллеѣ Корчагина.

Само же Корчагино — простой, небольшой домъ съ мезониномъ, старый яблочный садъ корней на сто, опрятныя службы, баня въ сирени, у террасы старый, сейчасъ очень красивый, красно-желтый клеверъ и величайшая гордость Константина Васильевича (изъ Межс-

вого прѣзжали снимать») — на полукруглой зеленой лужайкѣ передъ домомъ двѣ необычайно высокія и правильныя хвойныя пирамиды, состоящія изъ цѣлаго гнѣзда разновозрастныхъ елей.

Подъѣхали мы къ Корчагинскому балкону часовъ въ 8. На столѣ еще кипѣлъ самоваръ и всюду: за столомъ, на приступкахъ, на перилахъ сидѣло много народу. Лидія Сергѣевна нарядная, пополнѣвшая, съ гладко причесанной и какъ всегда немножко на бокъ наклоненной головой, радостно встрепенулась намъ навстрѣчу и, заключивъ меня перваго въ свои объятія, принялась цѣловать, взволнованно заглядывая мнѣ въ глаза. Она была очень тронута и еле сдерживала слезы. Много она вѣроятно за послѣдніе два года перестрадала и перестрадалась изъ за насъ съ Тобою, родная.

Бракъ по любви, а черезъ годъ внезапный разрывъ съ мужемъ, открытое незаконное «существованіе», и все вглухую, явочнымъ порядкомъ, безъ родительскаго совѣта и благословенія — какъ никакъ, для такихъ старомодныхъ, благообразныхъ людей, какъ Твои родители, это очень много. Не знаю, какъ только они все это вынесли! Что все сложится такъ хорошо, какъ оно сложилось, они, какъ мнѣ призналась сама Лидія Сергѣевна, никакъ не ожидали.

Извѣстіе, что мы повѣнчались въ Касатыни, пришло оназывается въ Москву въ тотъ же день, въ который рѣшался вопросъ о покупкѣ Корчагина. Родители Твои сильно колебались. Вѣдь искали домъ съ паркомъ, а тутъ вдругъ цѣлое имѣніе въ 100 десятинъ. Всѣ знакомые отговаривали: — трудно, хлопотно, далеко отъ Москвы. Молодежь Ваша тоже была противъ. Вѣдь Ваши всѣ — социалысты, а тутъ землю въ собственность пріобрѣтать... Родителямъ же Корчагино страшно понравилось. Растерялись они окончательно и вотъ тутъ то вдругъ и пришла наша телеграмма. Такъ и рѣшили: «сунуть подъ счастливую руку». По моему Лидія Сер-

гѣвна даже что-то писала намъ объ этомъ, но я во всякомъ случаѣ тогда по настоящему не понялъ всего, что здѣсь происходило. Выяснилось мнѣ это только въ объятіяхъ Лидіи Сергѣевны, цѣловавшей меня и за то, что я причинилъ ей материнскому сердцу боль, и за то, что исцѣлилъ его отъ боли, и отъ раскаянья, что считала меня подлецомъ, и отъ радости, что въ концѣ концовъ я оказался все же порядочнымъ человѣкомъ, и отъ воспоминанія, какъ наша телеграмма рѣшила покупку Корчагина; главнымъ же образомъ же восторженно и нѣжно цѣловала меня за то, что я пріѣхалъ отъ Тебя и привезъ ей частичку Тебя и обѣщаніе, что Ты тоже пріѣдешь, и ощущение Твоего счастья и реальную возможность обнять Тебя во мнѣ.

Очень хорошо, душевно и глубоко встрѣтились мы съ Твоею матерью, Наташа. Любитъ она Тебя очевидно безконечно, и притомъ такую одномысленно ясной, материнской любовью. Ни тѣни ревности, ни даже простого соревнованія не почувствовалъ я въ ея отношеніи къ себѣ. Увѣренъ, что если увидя Тебя она пойметъ, что Ты вся живешь только Твоимъ чувствомъ ко мнѣ, она найдетъ это вполне въ порядкѣ вещей и сама, безъ малѣйшей обиды отойдетъ на второй планъ.

Моя мать была другой породы, и Лидія Сергѣевна въ этомъ отношеніи была бы ей не только малопонятна, но и мало пріятна. Такихъ матерей она, бывало, не безъ презрѣнія называла «родительницами». Причемъ слово это звучало въ ея устахъ почти такъ же, какъ въ устахъ иныхъ порядочныхъ женщинъ «любовница», какъ-то голо, фізіологично, цинично. «Помните», говорила она намъ съ братомъ, когда бывала нами недовольна, «что я вамъ мать, а не только родительница, и знайте, что если вы не выйдете настоящими людьми, я отвернусь отъ васъ и забуду, что сама родила васъ». Сложная она была женщина, вся во всемъ перепутанная, но очень крушная и страстная. Знаешь, Наташа, съ тѣхъ поръ

какъ заново увидѣлъ ее на вокзалѣ, она ни на шагъ не отходить отъ меня.

Но возвращаюсь къ Корчагину. Первый вечеръ проиель очень для меня интересно. Человѣкъ двѣнадцать собравшейся молодежи чувствовало себя очевидно какъ нельзя лучше. Всѣ были оживлены, веселы, красивы и явно связаны другъ съ другомъ и таинственными нитями перекрестной влюбленности, и общей атмосферой заговорщическаго покровительства всякому нарождающемуся чувству.

Въ темнотѣ теплаго вечера струны молодыхъ голосовъ на террасѣ звучали какъ-то особенно звонко и рокоюще, а стройныя дѣвичьи фигуры на секунду появлялись на свѣтломъ порогѣ столовой съ какою-то особенной, встревоженной и ощущающей себя силой и граціей. Въ доносившихся изъ живой темноты сада отдѣльныхъ возгласахъ и вдругъ запѣваемыхъ фразахъ трепетно струилась древняя, хмѣльная тайна прекрасной первой влюбленности.

Константинъ Васильевичъ по старой привычкѣ сразу же послѣ ужина прошелъ къ себѣ въ спальню, а Лидія Сергѣевна устроилась съ томомъ Толстого за самоваромъ; заботливо пріоткрывъ дверь въ гостиную, чтобы услышать, если на другомъ концѣ дома заплачетъ внучка. Она чувствуетъ себя сейчасъ очень спокойно и счастливо: — вокругъ нея благополучно и законномѣрно совершается жизнь. Если бы еще и Ты сидѣла съ нею, а въ дѣтской, рядомъ съ Фединой дочкой, спалъ-бы Твой сынъ, котораго она очень ждетъ, то все было бы въ окончательномъ и абсолютномъ порядкѣ. Изрѣдка она впрочемъ дружелюбно ворчитъ на своего первенца, который, по его собственнымъ словамъ, все еще не чувствуетъ никакихъ отеческихъ нѣжностей къ своей «Анюткѣ», и котораго, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда и мать и бабушка заняты, никакъ нельзя оторвать отъ шахматной доски, чтобы посмотрѣть не пора ли «перепеленывать».

Всѣ мои соображенія, что математику и музыканту такъ и полагается, для нея никакъ не убѣдительны.

Съ Еленой Павловной онѣ живутъ очень складно, совмѣстно отстаивая противъ мужчинъ и молодежи какой-то свой, специфически женскій фронтъ. Лидія Сергѣевна очень довольна серьезнымъ Федичнымъ вліяніемъ на Лелечку и очень поражена, что изъ «экстравагантной» дѣвушки вышла такая образцовая жена и мать. Мнѣ врядь-ли нужно Тебѣ говорить, родная, что я вижу все совершенно иначе. Вспоминая, какъ восторженно и изступленно Федя любилъ Елену Павловну и какая она была хороводная, буйная веселая дѣвица, поровнистая, лукавая, съ низкимъ церковнымъ голосомъ и раскосымъ разрѣзомъ зеленыхъ глазъ, мнѣ какъ-то грустно смотрѣть на «образцовую мать» и на Федю за шахматами.

Я не хочу сказать, что они охладѣли другъ къ другу. Нѣтъ, другъ друга они, вѣроятно, любятъ больше, чѣмъ когда бы то ни было раньше, но любви къ любви въ ихъ любви уже больше не чувствуется!

Да, родная, сколько я ни смотрю кругомъ себя, я всегда вижу одно и то же. Любовь переноситъ все: — жестокость, охлажденіе, ревность, разлуку, измѣну, но одного она не переноситъ почти никогда — ребенка. И это такъ ясно всякому сердцу, воистину бьющемуся о тайнѣ любви.

Вѣдь любовь требованіе «вознесенія», а ребенокъ ниспаденіе любви на землю. Любовь — чаяніе раскрытія души отъ тѣсныхъ объятій плоти, ребенка — ея воплощеніе. Патетика любви трагична и апокалиптическая; въ ней ожиданіе того, что времени больше не будетъ. Ребенокъ же — идиллія, прогрессъ, утвержденіе любви на вѣчно убѣгающемъ горизонтѣ жизни.

Въ томъ, Наташа моя, величайшая загадка души человеческой, что любовь живетъ только внутреннимъ тяготѣніемъ къ смерти, и сейчасъ же умираетъ, какъ только въ ней возникаетъ тоска по завѣщанію себя жизни.

Въ метафизическомъ планѣ ребенокъ — всегда свидѣтельство о творческомъ безсиліи любви. Всемогущіе боги и бессмертные художники творять; только смертные рождаютъ себѣ подобныхъ смертныхъ!

Ты вѣдь знаешь, я отнюдь не защитникъ современныхъ бездѣтныхъ браковъ. Борьба противъ безсилія и позора дѣторожденія правомѣрна исключительно на путяхъ духовнаго напряженія любви. На иныхъ путяхъ она только развратъ и кощунство.

Я знаю, съ того момента, какъ Ты скажешь мнѣ, что у насъ будетъ ребенокъ, я почувствую новую привязанность къ Тебѣ и горячую нѣжность къ милому, грядущему на насъ съ Тобою незнакомцу, но одновременно, родная, я со скорбью, которой почти-что боюсь въ себѣ, сразу же пойму и то, что наша любовь уже обезсилѣла, уже обезкрылѣла, что если и не нашимъ сердцамъ, то все-же сердцу нашей любви пора облачаться въ трауръ.

На землѣ есть много грустныхъ словъ и звуковъ, Наташа, но для меня нѣтъ ничего грустнѣе нетерпѣливаго дѣтскаго лепета: «мама, ма... ма». Въ особенности если мама молода, красива, печальна и разсѣянные ея взоры по дѣвичьи задумчиво прикованы къ какимъ-то вдалѣ уплывающимъ парусамъ.

Въ глазахъ Елены Павловны всѣ паруса уже давно причалили къ берегу, но зато на всѣхъ парусахъ несутся навстрѣчу невѣдомымъ далямъ лучистые глаза очень похорошѣвшей Маруси. Когда два года тому назадъ она стояла вмѣстѣ со всѣми на платформѣ Курскаго вокзала, она была еще совсемъ маленькой дѣвочкой. Съ тѣхъ поръ она очень перемѣнилась. Уже въ первый вечеръ я почувствовалъ, что она душа всей Корчагинской молодежи. Въ нее влюблено нѣсколько человекъ. Она во всѣхъ и ни въ кого. На первый взглядъ она кажется почти слишкомъ спокойнымъ существомъ, но на самомъ дѣлѣ въ ней все трепещетъ и поетъ, какъ трель неподвижно повисающаго въ высокомъ небѣ жаворонка.

Лидія Сергѣевна находитъ, что въ ней очень увеличилось сходство съ Тобою, я этого не нахожу; единственно, что напоминаетъ Тебя, это ея, прохладой и чистой гордаго дѣвичьяго стыда прелестно застекленная женская страстность. Я очень люблю это своеобразное сочетаніе и глубоко увѣренъ, что ничто такъ не свидѣтельствуетъ о полной эротической бездарности нашего времени, какъ распространенное нынѣ убѣжденіе, что стыдъ скорѣе сопутствуетъ безстрастію, чѣмъ страстямъ. Это конечно не вѣрно. Настоящая страсть глубоко стыдлива. На мое ощущеніе чувство стыда одна изъ интереснѣйшихъ метафизическихъ проблемъ, Наташа. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, оно быть можетъ самое человѣческое. Только человѣку, принадлежащему двумъ мірамъ, можетъ быть вѣдомо то предѣльно обостряющееся въ любви раздвоеніе между духомъ и тѣломъ, которое и составляетъ сущность стыда. Отъ боли этого раздвоенія человѣка не избавляетъ ничто, кромѣ страсти. Страсть тотъ космическій пожаръ души, въ которомъ въ образѣ любимаго тѣла перегораешь во прахъ бранный тяготѣющій къ землѣ міръ. Всякая страсть — реальная дематеріализація міра, и въ этомъ смыслѣ, верховная форма познанія. Міръ, не освѣщенный любовью — темное царство обреченныхъ могилъ вещей; міръ же въ свѣтѣ любви — нетѣльное царство идеи и свободы. Людямъ, лишеннымъ стыда, всего этого конечно никогда не понять...

Но возвращаюсь къ Марусѣ. Сначала она меня нѣсколько дичилась, но потомъ мы съ нею подружились. Лучистые глаза ея, если къ нимъ присмотрѣться, не по лѣтамъ задумчивы и печальны. Въ нихъ ясно чувствуется одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ, на которые жизнь никогда не даетъ отвѣта. Зато свѣжія, румяныя щеки, капризно надутыя губы и любопытные кончики перекинутыхъ на грудь тяжелыхъ, пепельныхъ косъ безконечно ребячливы. Миѣ кажется, что въ этомъ сочетаніи еще не превратившагося въ дѣвушку ребенка и

преждевременно созрѣвшей въ женщину дѣвухи таится совершенно ея особенное обаяніе. Сочетаніе это въ Марусѣ не виѣшне — въ немъ чувствуется діалогъ ея души. Выросла она мало, но нѣсколько пополнѣла. Въ ея движеніяхъ много лѣни, но ходить она очень быстро. Ея маленькія, рѣзвыя и очень кокетливо обутыя ноги цѣлый день какъ-то до неуважительности быстро носятъ по дому и саду нѣгу ея плечь и грусть выразительныхъ глазъ. Надѣюсь, дорогая, что заказанный мнѣ Тобою портретъ Тебя удовлетворитъ. Старался исполнить его въ стилѣ Твоихъ любимыхъ «миниатюр».

Жаль что Ты не переписываешься съ Марусей. Мнѣ кажется она много думала о насъ съ Тобою. У нея на душѣ ясно чувствуется не ослабленный ею и очевидно причинившій ей много страданій разладъ между хорошими большими симпатіями къ Алешѣ, который у Васъ изрѣдка бываетъ и которому, мнѣ кажется, она очень нравится, и страстнымъ гимназическимъ увлеченіемъ Твоимъ «настоящимъ романомъ».

Меня она встрѣтила съ явно двоящимся ощущеніемъ: и съ чувствомъ острой заинтересованности мною и съ чувствомъ настороженной непріязни ко мнѣ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы, не умаляя высокаго авторитета нашего «поэтического романа», уничтожить непріязнь къ себѣ, не уничтожая симпатій къ Алешѣ.

Объ Алешѣ я къ сожалѣнію ничего существеннаго написать Тебѣ не могу. Съ Федей они внутренне какъ-то разошлись. Мнѣ кажется все-же, что его памятные мнѣ слова, что ему безъ Тебя не прожить, слава Богу утратили всякій шансъ на осуществленіе. Изъ разговоровъ о немъ я понялъ, что начавшійся еще въ Клементьевѣ въ Алешѣ процессъ внутренняго возврата къ своимъ «біологическимъ» истокамъ все еще продолжается. Пройгравъ въ Тебѣ ставку на свѣтлое будущее, онъ все упорнѣе пятится назадъ въ прадѣдовскіе амбары, обставляя какъ всегда этотъ инстинктивный процессъ все-

возможными изощренными теоріями, доказательствами и проповѣдью. Отъ социалистическихъ своихъ идей онъ внутренне, кажется, окончательно отрекся и никакой партійной работы больше не несетъ. Въ послѣдній разъ онъ даже говорилъ Федѣ, что ему пріятнѣе защищать уголовныхъ, чѣмъ политическихъ, потому что уголовные грѣшатъ съ голоду, а политическіе съ «жиру». «Домострой», которымъ онъ тщательно занимался въ истекшую зиму, по новѣйшему его мнѣнію, книга изумительной мудрости. Одинъ же изъ самыхъ глубокихъ образцовъ русской литературы — непонятая всей либеральной критикой Кабаниха въ «Грозѣ», «мудрая игуменья быта», великая защитница тайнства брака противъ иллюзіи и навожденія своскорыстнаго эротическаго либертизма Катерины и т. д. и т. д.

Конечно такой поворотъ совсѣмъ не неожиданность. Какъ всякій раненый звѣрь ползаетъ умирать въ свою нору, такъ и человѣкъ въ тяжелыя минуты жизни инстинктивно стремится въ свою духовную берлогу. Темная же берлога духа — кровь, т. е., родъ, происхождение, завѣты предковъ, память дѣтства. У Алеши этотъ поворотъ выразился даже и внѣшне: онъ переѣхалъ къ своей матери, подлинной Кабанихѣ и внѣшне и внутренне, и, говорятъ, живетъ съ нею очень тихо и хорошо. А помнишь раньше — что ни день, то взрывъ! Очень трудно, конечно, даже и самому выдержанному человѣку не бить того камня, о который спотыкнулся. Въ этомъ смыслѣ мы все маленькія дѣти. Вотъ Алеша и бьетъ и клянетъ все, что ополчилось на его жизнь, и защищаетъ съ пѣною у рта то, что, какъ ему кажется, могло-бы его спасти: тайнство брака и твердость Домостроя.

Конечно все это онъ дѣлаетъ съ несвойственной другимъ людямъ изступленностью и остротой; онъ вѣдь всегда былъ человѣкомъ съ лупой въ глазахъ и во всѣхъ своихъ міросозерцательныхъ проповѣдяхъ постоянно зло-

употреблялъ какимъ-то интеллектуальнымъ фальцетомъ, какимъ-то навинчиваемъ праздною выдумкою на вѣрныя мысли. Сейчасъ эта черта въ немъ очевидно очень усилилась. Федя говоритъ, что онъ вообще больше попросту не разговариваетъ: или взвизываетъ на собесѣдника проповѣдью, или обрушивается на него гнѣвомъ. Подъ всею этою стилистическою ложью есть конечно въ Алешѣ своя правда: — та исконная боль жизни, которую Ты хорошо знаешь въ немъ.

Хотя по всему, что я почувствовалъ и уловилъ и въ Марусиныхъ и въ Фединыхъ словахъ, къ тому нѣтъ никакихъ основаній, я все же крѣпко и упорно надѣюсь на то, что мы съ нимъ какъ нибудь все же встрѣтимся и снова существенно почувствуемъ другъ друга.

Ну, Наталенька, очевидно пора кончать это посланіе. Уже два раза стучали, надо идти чай пить и отправляться на станцію. Константинъ Васильевичъ какъ всегда боится опоздать и потому высчитываетъ всѣ возможныя невозможности, которая могутъ случиться въ пути, отъ ломки оси до провала моста включительно. Спѣшить же онъ, какъ Ты знаешь, не любитъ: ему хочется на свободѣ попить чайку, пройтись въ послѣдній разъ паркомъ, обстоятельно со всѣми проститься, медленно одѣться, потихоньку ѣхать и по возможности минутъ за 30 ирѣхать на станцію.

Хотя времени еще очень много, надо уважить старика и идти внизъ (живу я тутъ въ небольшой, низкой свѣтелкѣ).

Прожилъ я въ домѣ Твоихъ родителей прекрасно, Наташа: душевно, уютно и даже интересно. И въ жестахъ Лидіи Сергѣевны и въ бровяхъ Константина Васильевича и въ смѣхѣ Маруси и въ Фединой игрѣ и еще въ очень многомъ другомъ передо мною все время мелькала Ты и потому всѣ чувствовалась милыми, близкими, родными. И все же я уѣзжаю отъ Вася не въ жизнерадостномъ настроеніи. Счастливо старѣющіе бабушка съ

дѣдушкой, влюбленная молодежь и младенецъ въ колыбели, во всей этой благообразной полнотѣ неукоснительно свершающейся проходящей жизни мнѣ всегда чувствуется какая-то безысходная грусть, какое-то тихое помѣшательство.

Облака, уплывающія куда-то надъ вершинами лѣса, гладь рѣки выплывающая изъ подъ моста, силуэтъ уходящаго въ море парохода, красный фонарь на послѣднемъ вагонѣ поѣзда — все это образы, съ ранняго дѣтства исполненные для меня безконечною тоскою. Чувства дали, удаленія не переносить моя душа — хотя этимъ чувствомъ въ кониѣ концовъ только и жить. Все удаляющееся меня всегда повергаетъ въ глухое уныніе, все же наступающее веселитъ и бодритъ душу. Думаю, вѣроятно, что это ощущаютъ очень многіе люди. Извѣстно, какъ веселитъ душу приближающаяся гроза; извѣстно, что смерть въ бою совѣмъ иное, чѣмъ смерть въ постели. И думается, главнымъ образомъ потому, что въ бою человекъ чувствуетъ, что на него *надвигается смерть*, а въ постели, что отъ него *уходитъ жизнь*. Также и всѣ хоронившіе близкихъ по опыту знаютъ, что самое страшное это возвращеніе въ домъ послѣ похоронъ. До похоронъ ощущеніе *вошедшаго* въ жизнь покойника сильнѣе ощущенія *ушедшаго* изъ жизни умершаго. Не то послѣ похоронъ. Послѣ похоронъ сердце наполняется страшною пустотою, чувствомъ, что теперь уже окончательно никого и ничего нѣтъ, что вслѣдъ за умершимъ ушелъ и покойникъ, вслѣдъ за жизнью ушла и смерть.

Прости родная, что такими печальными размышлениями кончаю это письмо. Надѣюсь въ ближайшіе дни получить отъ тебя извѣстіе. Очень хочется знать какъ у Васъ въ Касатыни идетъ безъ меня жизнь. Сердечный привѣтъ отцу. На дняхъ напишу обо всемъ, что ему можетъ быть интересно.

Крѣпко цѣлую Тебя, мою милую.

Твой Николай.

Москва, 26-го Августа.

Вчера, Наталенька, получилъ Твое письмо. Цѣлую Твои милыя руки, такъ прилежно, четко, старательно исписавшія цѣлыхъ три листа. За всю нашу жизнь это первое настоящее письмо, полученное мною отъ Тебя. Не записочка, не обѣщаніе писать, не просьба простить, что долго не пишешь, а обстоятельный рассказъ о Твоей жизни безъ меня. Уже два года свѣтъ Твоей души изо дня въ день льется мнѣ въ душу, но отъ этого Ты становишься для меня съ каждымъ днемъ только непостижимѣе. Я всегда считалъ Тебя величайшимъ произведеніемъ искусства, но послѣ Твоего письма убѣдился, что Ты кромѣ того и большой художникъ. Твое письмо — какъ Твоя любовь, Твой рассказъ — какъ Твои поцѣлуи: — въ немъ нѣтъ начала и нѣтъ конца; запутанный и безконечный, какъ сама жизнь, онъ одинаково любовно останавливается — какъ надъ большими событиями жизни, такъ и надъ ея темными морщинами; для него все одинаково свято — какъ пыльная стопа жизни, такъ и ея умное лицо.

Строй нашей фразы — величайшій обличитель нашей души, Наташа. Легко жить чужими мыслями, говорить чужими словами, украшать свою рѣчь чужими образами, но перемѣнить строй и ритмъ своей рѣчи почти такъ же мало возможно, какъ однимъ усиліемъ воли измѣнить своей собственный пульсъ. Я думаю синтаксисъ ничто иное, какъ умъ и духъ нашей крови. Читая Твое письмо, я такъ напряженно, счастливо и благодарно чувствовалъ въ каждомъ его оборотѣ и въ каждой его запятой Твою большую любовь ко мнѣ. Для меня нѣтъ ничего болѣе значительнаго и святаго въ жизни, какъ успокоеніе, округленіе, какое-то даже отяжелѣніе дѣйствительно полюбившей женской души, — всевѣдающей и мудрой, смотрящей въ ту глубину міра, которую каждый человекъ таитъ въ средоточіи своей собственной жизни.

Невидящій ви́шняго міра, всецѣло превращенный во внутренній слухъ, затуманенный взоръ беременныхъ женщинъ иногда прекрасно свѣтится этою духовною полнотою, но конечно чаще только предаеть ее.

Ахъ Наташа, Наташа, если бы Ты знала, милая, какъ я совсѣмъ не могу жить безъ Тебя, какъ совсѣмъ, совсѣмъ не могу: — ходить безъ Тебя по улицамъ, сидѣть дома, смотрѣть на людей и разговаривать съ ними. И осиротѣлость моя не только въ томъ, что мнѣ безъ Тебя скучно и тоскливо, но и въ чемъ то гораздо болѣе важномъ. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, я непрерывно чувствую, что мнѣ безъ Тебя уже никогда больше ничего не постронть въ себѣ, потому что безъ Тебя мнѣ никогда ни къ чему не расчислить настоящаго своего отношенія. Какъ всякая точка на плоскости есть перекрестье засѣчекъ съ двухъ другихъ, такъ и всякое явленіе въ духовномъ пространствѣ есть для меня неизбѣжное пересѣченіе нашихъ съ Тобою къ нему отношеній. Иначе я ничего не понимаю. Безъ Тебя я не то что одинъ, Наташа, безъ Тебя меня вовсе нѣтъ. Что наши отношенія къ жизни во многомъ очень различны, какъ Ты и сама пишешь, намъ съ Тобою конечно не страшно, милая. Страшно было-бы скорѣе обратное. Если бы наши точки зрѣнія, и главное точки зрѣнія на любовь когданибудь окончательно слились — всѣ явленія нашей внутренней жизни потеряли бы всякій рельефъ, а наша любовь — свою тему. Но этого намъ съ Тобою бояться не приходится: если бы мы когданибудь и дожили до полнаго снѣнія нашихъ міросозерцаній, мы все-же остались бы при двухъ разныхъ взглядахъ на міръ, ибо къ міросозерцанію каждаго изъ насъ принадлежалъ-бы и тотъ путь, которымъ каждый пришелъ навстрѣчу другому. А путь, которымъ мысль приходитъ къ своей цѣли, навсегда остается въ ней ея музыкой, т. е., ея послѣднею истиной.

Спасибо Тебѣ, родная, за музыку Твоего письма.

Читая его, я съ нѣжною благодарностью вспоминалъ, какъ однажды жаркимъ полднемъ лежать на склонѣ той горы, къ которой былъ прилѣпленъ нашъ первый домъ (забылъ сейчасъ ея названье), радостно чувствуя, какъ сквозь мои нагрѣтыя вѣки въ меня вливается и всего меня заполняетъ красный солнечный звонъ. Въ этихъ минутахъ было такое *Твое* чувство безпамятнаго, бездумнаго, недвижнаго блаженства, что мнѣ было трудно растаться съ нимъ; хотя бы и для того, чтобы спуститься къ нашей дачѣ. Когда я подходилъ къ балкону, Ты какъ разъ выходила на него. Какъ сейчасъ вижу подносъ въ Твоихъ рукахъ, а на немъ нашъ мѣдный чайникъ, подгорѣвшіе чуреки и кусокъ желтаго масла. Твои каріе глаза слегка жмурились отъ солнца, а на загорѣлыхъ щекахъ, словно на кожицѣ персика, нѣжились пушокъ. Увидѣвъ меня Ты ловко поставила на столъ тяжелый подносъ и вся проголубѣвъ улыбкой быстро вскинула мнѣ на плечи Твои нѣжныя, загорѣлыя руки. Ощутивъ на губахъ Твое росное, медвяное дыханіе, я закрылъ глаза и почувствовалъ — отплываю... весь заполняюсь тихо звенящею дрожью, краснымъ безкрайнимъ маревомъ, древнимъ блаженствомъ, солнцемъ, Тобою...

Съ тѣхъ дней прошло уже два года. Но за это время наши первые дни стали только прекраснѣе. Какъ ягоды въ винѣ съ каждымъ годомъ становятся хмѣльнѣе, такъ же сладостнѣй и хмѣльнѣе становятся въ памяти влюбленныхъ ихъ первые поцѣлуи.

Какъ странно, Наташа, съ самаго начала нашей жизни я не переставалъ доказывать Тебѣ своей правды, Ты же все время только молча противопоставляла мнѣ свое бытіе — и все же побѣдила Ты. Не сама приблизилась къ моимъ мыслямъ, но меня приблизила къ своей душѣ. Увѣренъ, сейчасъ между нами была бы никакъ невозможна столь памятная намъ съ Тобою первая полуразмолвка. Помнишь, какъ хорошо мы сидѣли на вечернѣющемъ балконѣ? Какая стояла непередаемая тишина,

какъ несмолкаемо шумѣли водопады, какъ четко прочерчивались въ высокомъ небѣ далекія вершины горъ! Изрѣдка, глубоко подъ нами, пробѣгаль словно игрушечный Боржомскій поѣздъ, а на сосѣдномъ току, неподвижно стоя въ маленькой плоскодонной лодочкѣ, запряженной парю огромныхъ буйволовъ, уже съ утра молотила какую-то сказочно-золотую пшеницу молодая красавица грузинка.

Мы съ Тобою молчали, но тѣмъ сильнѣе звучали въ нашихъ душахъ всѣ самыя мельчайшія черточки окружавашаго насъ непривычно-прекраснаго міра. Быть можетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свойствъ любви, что въ ней съ такою симфоническою полнотою звучать мелодіи всѣхъ явленій жизни.

Такъ было хорошо и вдругъ — почтаलोंъ и заказное письмо и, Твоя радость и Твое разочарованіе: не долгожданное отъ Лидіи Сергѣевны, а совсѣмъ какое-то Тебѣ незнакомое.

Почему Мариша написала мнѣ это странное письмо, къ чему относились вложенныя въ него строки Владимира Соловьева и дѣйствительно ли я прочелъ ихъ Тебѣ съ такимъ личнымъ волненіемъ, какъ Тебѣ показалось, я до сихъ поръ не знаю, Наталенька, думаю все-же, что Тебѣ тогда померещилось что-то, чего у меня на душѣ не было. Ясно мнѣ только одно, что тѣ теоріи счастливаго брака, которыя я въ тотъ злосчастный вечеръ съ такою жестокою страстною принялся развивать Тебѣ, теперь совсѣмъ какъ-то мертвы въ моей душѣ. Не то, чтобы я считалъ ихъ невѣрными, нѣтъ, но я не чувствую больше никакой нужды въ ихъ правдѣ. Тогда я увѣрялъ Тебя, что буду счастливъ въ *монастырѣ* Твоей любви... что не предчувствую иного счастья, какъ изъ дня въ день все тѣмъ же милыми тропами мимо все тѣхъ же цвѣтовъ ходить отъ кельи къ храму, изъ храма къ трапезной... Помню говорилъ Тебѣ тогда и о томъ, что только внутри монастырскихъ стѣнъ мнѣ не страшны кресты

на могилахъ, что знаю: — подь ними спать дорогіе покойники, бѣдныя мои воспоминанія и мечты, но не чувствую въ себѣ искушенія воскрешать ихъ до суднаго дня.

Тогда все это не было пустыми словами, Наташа, хотя и было быть можетъ словами слишкомъ нарядными. Оставаясь въ предѣлахъ тогдашняго образа я могъ бы сказать, что, выходя по вечерамъ за ограду и смотря на гаснущія дали и зажигающіеся на томъ берегу тревожные огни, я иной разъ чувствовалъ, какъ сердце сжимаетъ знакомая грусть. Правда, я уже тогда понималъ, что эта грусть отъ лукаваго, что мечтатели несчастные люди, которымъ «некуда пойти» и что мнѣ всѣми силами надо держаться за Тебя, открывшей мнѣ царскія врата Твоей любви, но грусть, грусть во мнѣ все же была. Теперь ея больше нѣтъ, Наташа.

Вѣрный себѣ, я не зарекаюсь, но не думаю, чтобы она когда нибудь снова могла вернуться ко мнѣ. Слишкомъ существенна моя жизнь. Душа какъ домъ среди занесенныхъ снѣгомъ пространствъ блаженно прислушивается къ наполняющей его тишинѣ. Твоею мягкой поступью въ милыхъ мѣховыхъ туфелькахъ по ней такъово ходить Твои прочныя мысли и ясныя чувства. Сейчасъ ничего мнѣ не надо кромѣ того, чтобы вѣчно дмился нагъ солнечный касатынскій день. Послѣ долгихъ лѣтъ моихъ романтическихъ странствій такъ цѣлительнъ наполнившій душу покой, такъ значителенъ и аристократиченъ въ онтологическомъ своемъ консерватизмѣ.

Помнишь «Семейное счастье»? Тамъ есть фраза: «мнѣ было слишкомъ мало любить его, послѣ того, какъ и испытала счастье его полюбить». Въ свое время она казалась мнѣ верховъ мудрости. Сейчасъ во мнѣ что-то совсѣмъ иное, родная.

Проходя по всѣмъ нашимъ мѣстамъ, я не пережила того тоскующаго лирическаго волненія, котораго, очевидно по памяти о своемъ прежнемъ я, самъ отъ себя

ожидалъ. Нѣтъ, только болью и тревогой отозвались въ душѣ и окна Вашей квартиры и экипажное заведеніе Туркина, въ которомъ заказывалъ карету «подъ невѣсту» и церковь, въ которой стоялъ шаферомъ позади Алеши, и тотъ фонарь на Средней Кисловкѣ, въ свѣтъ котораго такъ многое для насъ съ Тобою внезапно рѣшилось... И не въ томъ дѣло, милая (это я отчетливо чувствую въ себѣ), что утро нашей любви вставало въ печальномъ туманѣ, а въ томъ, что всякій полдень кажется мнѣ сейчасъ духовно глубже всякаго утра, всякій благодатно вырѣвшій покой глубже трепетно-мечтательныхъ прывовъ. Мои-ли это чувства или только Твои во мнѣ, я не знаю, да и знать не могу, потому что сейчасъ отличить себя отъ Тебя не умѣю. Каждое слово Твоего письма о нашей жизни, которое въ эти дни первой разлуки и передъ моимъ взоромъ стоитъ конечно такъ же неотступно, какъ передъ Твоимъ, я ощущаю рожденнымъ въ самой послѣдней глубинѣ своего съ тою лишь разницей, что для меня наша жизнь въ Тебѣ, а для Тебя — во мнѣ.

Утромъ прилежно и погруженно работать у себя въ кабинетѣ, все время чувствуя живую тайну Твоего невидимаго присутствія въ домѣ; затѣмъ, выйдя къ обѣду въ столовую, внезапно почувствовать, что и солнечный день за окномъ и тепло огромной голландки и глянецъ каляной скатерти и хорошее настроеніе отца и цвѣты на столѣ, все это Ты — Твоя забота, Твои руки и Твоя душа; послѣ обѣда выйти съ Тобою на лыжахъ въ синіе сверкающіе свѣга и возвращаясь въ сумеркахъ любоваться Твоими раскрасившимися отъ мороза щеками, выбившимися изъ подъ шапки заиндевелыми волосами и веселыми огоньками въ глазахъ; а вечеромъ или слушать, украдкой взглядывая на окаменѣлое Твое лицо, Твою игру или что нибудь читать Тебѣ на большомъ диванѣ, удивляясь великому уму женской любви, по уже и предчувствуя, какъ вдругъ надъ нимъ сверкнетъ ея безуміе;

и все это въ спокойномъ и властномъ ощущеніи счастья не какъ проносящейся надъ тобою перелетной птицы, а какъ послушнаго Тебѣ горячаго коня, чуткаго къ Твоей рукѣ и Твоему сердцу — вотъ то, совсѣмъ что-то новое во мнѣ, чему меня научила Ты, моя Наташа, мое счастье, моя жизнь!

Я очень любилъ Тяю. Но такой любви между нами не было. Только въ опытѣ нашей жизни понялъ я, что въ любви нѣтъ разницы между великимъ и малымъ, святымъ и грѣшнымъ, вѣчнымъ и тѣннымъ, цѣлымъ и частью.

Не только глазами Твоими Ты смотришь мнѣ сейчасъ въ душу, Наташа, но и каждой рѣсницею Твоихъ глазъ, и наше прошлое — не прошлое для насъ, потому что память о немъ безумить наши поцѣлуи; и нѣтъ для насъ различія между цѣломудріемъ и тѣмъ, что незнающіе страсти называютъ развращенностью, потому что въ мудрости цѣлостной любви предѣльная развернутость страстей прекрасна и священна; и эти строки, Наташа, не строки только, но поцѣлуи, объятія и пути, которыми хочу я опутать, измучить, испелелить Тебя, перекинуться къ Тебѣ изъ глубины мой тоски по Тебѣ, моей любви къ Тебѣ, моего жаждущаго Тебя одиночества...

Цѣлую Тебя мой восторгъ, мое откровеніе.

Весь вѣчно Твой Николай.

Р. S. Мнѣ здѣсь вѣроятно придется нѣсколько задержаться, Наталенька. Но разъ у Васъ все идетъ хорошо и отецъ, Слава Богу, поправляется, то дней черезъ 10 Ты, думается, сможешь выѣхать. Страшно радуюсь на нашу поѣздку въ Петербургъ безъ которой мнѣ кажется не обойтись. Обнимаю Тебя и цѣлую.

Да, вотъ о чемъ хотѣлъ спросить Тебя. Мнѣ показалось, что мои калужскія воспоминанія были для Тебя

въ какомъ-то направленіи не безусловно пріятны. Что это? Чрезмѣрная чувствость ко всякому, хотя бы и очень легкому уклону любви въ сторону ненормальнаго, или патологическая Твоя ревность. Если, какъ я предполагаю, послѣднее, то долженъ сказать, что Твоя патологія серьезнѣе моей. Ну, прости, родная, не сердись на меня, я вѣдь только шучу, хотя кажется и не вполне ошибаюсь.

Твой Николай.

Федоръ Степунъ.